

Дело Г.И. Теодори в 1919–1921 гг.

Взаимоотношения советского руководства с генштабистами в период Гражданской войны

Проблема сотрудничества большевистского руководства Страны Советов и военных специалистов дореволюционной России очень сложна, крайне политизирована и, безусловно, находится ещё в самом начале своего полноценного изучения. Тем выше значимость каждого опубликованного документа. Отрадно, что в «Военно-историческом журнале»¹ были представлены некоторые архивные материалы, освещающие эту проблему и отражающие деятельность в годы Гражданской войны выпускника ускоренных курсов Николаевской академии Генерального штаба периода Первой мировой войны (курсовика) бывшего капитана Георгия Ивановича Теодори (1886–1937).

Однако, на наш взгляд, в этой интересной публикации помимо впервые введённых частично или полностью в научный оборот ценных исторических документов содержатся некоторые суждения и выводы, неверно освещающие как ситуацию во взаимоотношениях большевиков и военспецов (прежде всего офицеров Генерального штаба и выпускников ускоренных курсов) в целом, так и роль Теодори в РККА в частности.

В УСЛОВИЯХ Гражданской войны и перехода большинства профессиональных разведчиков (военных агентов) на сторону антибольшевистских сил наладить работу совет-

ской военной разведки и контрразведки было очень непросто. Конечно, руководство Советской России в это время не только не было заинтересовано в репрессиях в отношении военспецов, но и всячески пыталось ограничить произвол Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) в этом направлении и, более того, стремилось наладить работу органов разведки РККА. Это означает, что репрессии в отношении военспецов были, но не являлись самоцелью². В частности, в деле Г.И. Теодори определяющим стало противоборство между военспецами и чекистами, которые в это время оказались прямыми конкурентами в вопросе организации и ведения военной контрразведки.

К сожалению, авторы публикации некритически отнеслись к некоторым документам, вышедшим из-под пера Теодори в период его тюремного заключения и требующим серьёзной проверки. В этих документах он многократно преувеличил свой и без того значительный вклад в военное строительство РККА в 1918–1919 гг. Там есть, например, такой пассаж: «Чтобы описать мою работу по формированию, организации, управлению и снабжению Красной армии, не хватило бы нескольких томов, тем более на этой работе был штемпель Аралова, Павулана и других, моё же имя было мало известно; я лишь укажу на пришедшие мне на память работы, которые вывели Красную армию из стадии партизанщины, добровольчества и мелких сборных отрядиков в ту мощную силу, какую она представляла уже к декабрю 1918 года»³.

Основания для крайне осторожного отношения к таким субъективным документам, призванным показать огромную работу Теодори и всю глубину

несправедливости его ареста, возникают при внимательном рассмотрении даже активно использованного авторами материала из фонда Н.И. Подвойского (между прочим, не аннотированного в путеводителях по Российскому государственному военному архиву (РГВА), как и другие личные фонды советских военно-политических деятелей).

Записка Г.И. Теодори председателю ВЧК Ф.Э. Держинскому, небольшой фрагмент которой был опубликован на страницах «Военно-исторического журнала», практически идентична (иногда совпадает дословно) «Краткому очерку деятельности Оперод Наркомвоен» (содержится в том же деле, что и записка)⁴. Теодори подготовил этот очерк в августе 1920 года по просьбе руководства Оперативного отдела Особого отдела ВЧК. Интересна резолюция неуставленного лица на титульном листе очерка от 5 сентября 1920-го: «Это хронологический перечень деятельности тов. Теодори с фактами, подлежащими исторической проверке, ибо многое освещено не совсем правильно, а скорее превратно...»⁵.

Г.И. Теодори не был и не мог быть, вопреки утверждению авторов публикации, создателем Полевого штаба Революционно-военного совета Республики (РВСР) (этого не приписывал в рассматриваемых документах даже он сам), поскольку этот штаб возник на базе штаба Высшего военного совета, в котором Теодори не только не работал, но с которым даже конфликтовал⁶. Полевой штаб был организован коллективными усилиями военспецов И.И. Вацетиса, П.М. Майгура, Ф.В. Костяева и некоторых других⁷. Преувеличением является и то, что в Полевом штабе РВСР ключевые должности, якобы по протекции

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 08-01-00052а «Генеральный штаб в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

Теодори, были заняты выпускниками ускоренных курсов. Думається, положение Георгия Ивановича не давало ему широких полномочий по комплектованию высшего штаба Красной армии. Такие вопросы решались на более высоком уровне, хотя нельзя отрицать, что он был единственным из курсовиков, кто смог продвигнуться в этот период до уровня консультанта управления. Кроме него курсовики руководили лишь агентурным (Г.Я. Кутырев) и разведывательным (Б.И. Кузнецов) отделениями. Другие же отделения, а тем более управления, находились в руках гораздо более опытных «лиц Генерального штаба». В Центральном управлении военных сообщений (ЦУПВОСО), являвшемся также органом Полевого штаба, курсовиков, по данным на ноябрь 1918 года, не значилось вообще. Для сравнения: во главе Полевого штаба стоял бывший генерал Ф.В. Костяев, оперативным управлением руководил бывший генерал В.И. Михайлов, организационным — бывший полковник В.В. Далер, во главе оперативного отделения находился бывший подполковник В.Е. Волков. Все они учились в академии до Первой мировой войны. При этом в силу объективных причин курсовиков в Полевом штабе было действительно немало. Однако более примерно говорить не о занятии ими ключевых должностей (что при наличии полноценных выпускников старой академии было невозможно), а об их существенном количестве в Полевом штабе: на ноябрь 1918 года — 11 человек из 20⁸, если не учитывать служащих ЦУПВОСО.

Неверным является и утверждение о том, что регистрация офицеров и их семей в сентябре 1918 года остановила их переходы на сторону противника (это некритическое воспроизведение заявления самого Теодори⁹). В действительности этого не произошло прежде всего потому, что эффективной системы учёта семейного положения военспецов, несмотря на соответствующие указания большевистского руководства, создано не было, как не проводилось вопреки позднейшим мифам и скольконибудь масштабных репрессий в отношении членов семей бывших офицеров. Измены, бегства, переходы и даже перелёты, в том числе коллективные, продолжались и после сентября 1918 года. Только в 1919 году на сторону противника перешли, по установленным нами данным, не

менее 150 выпускников академии, не говоря уже о массовых изменах офицеров других категорий¹⁰.

К сожалению, значительные пробелы имеются и при описании биографии Георгия Ивановича. Так, ничего не сказано о том, что его арест в 1919—1921 гг. был уже не первым, поскольку Теодори по причине своей предполагаемой неблагонадёжности (чему была посвящена специальная телеграмма убитого вскоре М.С. Урицкого) подвергся кратковременному аресту в качестве заложника в конце сентября 1918 года, но уже в начале октября был освобождён¹¹. Об этом предпочитал не упоминать в своих тюремных записках сам Теодори, так как в условиях повторного ареста указание на этот факт вряд ли могло способствовать его скорейшему освобождению. Именно с последствиями первого ареста, а никак не со стремлением «сохранить» военспеца, как утверждается в статье, связан его перевод в октябре 1918 года на преподавательскую работу.

Не соответствует действительности указание на конфликт и недоверие комиссаров Полевого штаба РВСР по отношению к служившим в нём генштабистам, для которых ситуация не была столь критичной. В частности, сам Г.И. Теодори находился в хороших отношениях не только с представителями высшего военного руководства — главкомом И.И. Вацетисом и начальником Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяевым, но также, что особенно важно, с военкомом Полевого штаба РВСР С.И. Араловым — своим бывшим шефом по Оперативному отделу Наркомата по военным делам.

Кроме того, летом 1919 года были арестованы единицы кур-

Г.И. Теодори в заключении

совиков, а не 80 человек. Большевики попросту не могли позволить себе «такую роскошь» в обстановке ожесточённой борьбы на всех фронтах. К сожалению, авторы некритически отнесли к утверждениям на этот счёт, сделанным в книге украинского историка-националиста Я.Ю. Тинченко, который не работал с материалами РГВА по учёту генштабистов. Почему-то утверждается, что фамилия одного из предполагаемых участников контрреволюционных организаций «Хитрово» является ошибочным написанием фамилии генштабиста В.В. Хрулёва, хотя никаких оснований для подобного утверждения нет. Между тем среди выпускников академии было как минимум два офицера с такой фамилией, один из которых — бывший генерал В.М. Хитрово был в сентябре 1919 года арестован (возможно, именно о нём и идёт речь в данном случае)¹², а курсовик (сокурсник Теодори), бывший штабс-капитан К.С. Хитрово, ещё в декабре 1918 года бежал на Украину, а позднее

оказался в войсках А.И. Деникина¹³. Курсовика Б.И. Кузнецова, скорее всего, арестовали не в феврале—марте 1919-го, а лишь 9 июля, в период арестов в Полевом штабе РВСР¹⁴. Отметим, что в апреле он был в числе трёх главных ходатаев за Теодори, что вряд ли мог сделать военспец с подмоченной недавним арестом репутацией. Тогда же арестовали и ещё одного ходатая — Е.И. Исаева.

Наконец, нельзя назвать соответствующими действительности заявления самого Георгия Ивановича о том, что тюрьма якобы не сломила его твёрдости. Как нам удалось установить на основе документов Государственного архива Службы безопасности Украины, вскоре после своего освобождения Теодори стал информатором Объединённого государственного политического управления (ОГПУ), получил собственное кодовое имя и детально доносил «органам» обо всём, что происходило в среде бывших генштабистов. Есть все основания полагать, что в том числе и по его доносам были произведены аресты бывших офицеров по делу «Весна» начала 1930-х годов.

АРЕСТ Теодори (1919—1921), который был разработчиком одного из проектов «Положения об Особом отделе»¹⁵ и фактически, о чём совершенно справедливо пишут авторы публикации, стоял у истоков советской военной контрразведки, являлся историческим парадоксом, в котором необходимо разобраться, чтобы понять подлинные причины этих драматических событий. Между тем причин и поводов для этого обнаруживается много.

Наиболее очевидной причиной ареста мог быть межведомственный конфликт, поскольку Г.И. Теодори отстаивал сохранение контрразведки в военном ведомстве (в составе РВСР), но верх, как известно, одержали сторонники подчинения этого органа ВЧК. Был создан Особый отдел ВЧК, который вскоре и арестовал Теодори. Впрочем, эта версия хороша лишь как мотив для ареста (после фактического подчинения военной контрразведки ВЧК в начале 1919 г. арест Теодори, занимавшегося теперь вопросами разведки, особого смысла уже не имел), но вовсе не кажется достаточно обоснованием длительного содержания арестованного

в тюрьме. Сам Теодори писал о своей деятельности в 1918 году (возможно, клоня к причинам своего ареста): «Было доверие, не было интриг, не было зависти и сплетен»¹⁶.

Предположение об обоснованности ареста также следует отвести, поскольку нельзя не признать Теодори одним из наиболее усердных работников, какими располагали большевики среди бывших генштабистов. В 1918 году он окончил ускоренные курсы второй очереди Академии Генерального штаба и поступил на службу новой власти, работал штатным преподавателем Академии Генштаба, где читал курс полевой артиллерии и тактику артиллерии¹⁷, трудился в качестве консультанта в регистрационном (разведывательном) управлении Полевого штаба РВСР¹⁸, состоял в коллегии своего академического выпуска¹⁹, заведовал курсами разведки и военного контроля²⁰. По долгу службы Георгию Ивановичу приходилось постоянно ездить из Москвы в Серпухов, где располагался Полевой штаб, и обратно. Всё это, конечно, было очень тяжело для одного человека. В 1918 году он заменял у большевиков сразу трёх-четырёх работников Генштаба²¹ и работал буквально не покладая рук, нередко по 17 часов в сутки и даже, если верить самому Теодори, по 19—20, хотя эффективность и сама физическая возможность такой работы вызывают большие сомнения²². В ноябре 1918-го он писал о себе и своих сослуживцах: «...все мы издёрганы непрерывной работой, перестроившись и гонкой от лица к лицу...»²³.

По оценке главкома И.И. Вацетиса, Теодори — «человек очень энергичный и талантливый и хорошо осведомлённый»²⁴. Как ни парадоксально, но даже в тюрьме, несмотря на неблагоприятную обстановку, он продолжал упорно трудиться, в частности, написав там работы «Тактика артиллерии» и «Военно-инженерное искусство». Более того, труд «Военно-топографические разведки» был откорректирован и издан в июне 1919 года. К концу того же года Теодори подготовил и его 2-е издание. Тогда же увидела свет «Тактика артиллерии», получившая положительную оценку специалистов. Теодори сотрудничал и с журналом «Военное дело», где печатался по вопросам организации артиллерии, авиации и войсковой разведки²⁵.

СОМНИТЕЛЬНА гипотеза о возможной мести со стороны противников Теодори из числа военспецов, хотя некоторые основания для этой версии могут быть. Вацетис вспоминал: «Кабинет Теодори помещался в большой подслеповатой комнате. На стенах висели карты и схемы с детальным расположением всех вооружённых сил РСФСР, как на фронтах, так и внутри страны. Тов. Теодори был человеком весьма осведомлённым и пользовался большим доверием у своего начальства. Отношения между начштаба Оперода Теодори и Военным руководителем Высшего Военного Совета М.Д. Бонч-Бруевичем были самые враждебные. Теодори и М.Д. Бонч-Бруевич работали как бы на противоположных склонах какого-то психологически непреодолимого вулкана. Кроме того, существовала ещё следующая весьма веская причина взаимной личной их неприязни. М.Д. Бонч-Бруевич по занимаемой им должности являлся представителем оставшегося в пределах РСФСР старого генерального штаба, который он собрал в составе народной армии, благодаря чему старый генеральный штаб, проиграв мировую войну, ухитрился захватить в свои руки инициативу в военном строительстве Советской России и очутился во главе этого дела. Тов. Теодори стоял во главе молодых академиков, ещё не переведённых в генеральный штаб. Таких было мало, около 130 человек выпуска 1917 г. Надо сказать, что выпуск 1917 г. состоял из лучшего бывшего офицерства старой армии, из людей, отличившихся в боях и успевших приобрести большой боевой опыт. Эти молодые академики с охотой пошли на войну, начавшуюся на востоке. Не было поэтому никаких причин отказывать им в переводе в генеральный штаб. Хлопоты на этот счёт взял на себя Теодори. С первых же шагов он встретил сильное сопротивление в лице представителей верхов старого генштаба, сгруппировавшихся около Высшего Военного Совета и Всероглаштаба²⁶. Имея близкое соприкосновение с Военным комиссариатом, старики сумели внушить тем, от кого зависело решение вопроса, что выпуск 1917 года — недоучки, что им надо сначала откомандовать ротой, а потом вернуться снова на академическую скамью и написать три военно-научных доклада, как это сделали когда-то они, старые генштабисты»²⁷.

Вацетис не мог оценивать деятельность Теодори иначе, поскольку в период Гражданской войны активно сотрудничал с курсовиками, иногда в противовес старым спецам. Предысторию такого подхода следует, видимо, отнести к итогам неудачного (без причисления к Генеральному штабу) окончания И.И. Вацетисом Николаевской академии. Полноценным генштабистом в глазах старых сослуживцев он не являлся и, вероятно, искал популярности у ещё менее подготовленной академической молодёжи.

Кстати, М.Д. Бонч-Бруевич в своих мемуарах оставил крайне не лестную характеристику Г.И. Теодори, считая его бесцеремонным и развязным²⁸, что с учётом высказывания И.И. Вацетиса неудивительно. Вообще курсовиков «выпуска Керенского», к каковому принадлежал и Теодори, Бонч-Бруевич считал симпатизировавшими белым. Об этом он не преминул сообщить Ф.Э. Дзержинскому. Здесь уместно отметить, что Бонч-Бруевич находился в конфликте и с самим Вацетисом²⁹. Всё это очень похоже на борьбу группировок в среде военспецов, которая сплеталась с аналогичной борьбой внутри большевистского руководства. Впрочем, пока ещё эти подробности взаимоотношений внутри советской военно-политической элиты остаются малоизученными.

Теодори платил Бонч-Бруевичу той же монетой, неоднократно и самым критическим образом отзываясь о деятельности последнего. Основываясь на обширном просмотре делопроизводственных документов РККА из фондов РГВА, в том числе служебной переписки и других бумаг самого М.Д. Бонч-Бруевича, нельзя не признать претензии Г.И. Теодори во многом обоснованными. В частности, он отмечал, что Бонч-Бруевич первоначально не уделял должного внимания вопросам организации «внутреннего фронта» против чехословаков, так как «считал эту борьбу „внутренним фронтом“ и поэтому ничего в этой области не желал делать»³⁰. Кроме того, он препятствовал различным начинаниям Теодори.

На момент ареста последнего М.Д. Бонч-Бруевич не занимал ответственных постов в РККА, хотя и имел обширные (в т.ч. родственные) связи в высшем военно-политическом руководстве Советской России. Не исключено, что отголоски взаимоотношений Бонч-Бруевича с курсовиками и главнокомандующим Вацетисом, поданные в выгодном для их автора свете, могли доходить до председателя Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР В.И. Ленина через докладные записки Бонч-Бруевича, которые тот передавал через своего брата В.Д. Бонч-Бруевича — управделами СНК³¹. Бонч-Бруевич был не чужд подобных действий и в прошлом. Не случайно в русском Генштабе, по свидетельствам генштабистов-эмигрантов, за ним закрепилась репутация человека ограниченно-го, интригана и подхалима³².

Второй арест Теодори «по шифрованному телеграфному распоряжению тов. Кедрова»³³ 12 марта 1919 года в Двинске (командировка по делам агентурной разведки) не только подрывал дело военного строительства РККА, но представляется нам вопиющей несправедливостью и неблагодарностью со стороны новой власти. В итоге генштабист провёл в заключении (в Бутырской тюрьме и, по иронии судьбы, во внутренней тюрьме Особого отдела ВЧК, созданием которого он в своё время занимался) почти два года — до 4 января 1921-го, после чего продолжил службу в РККА³⁴. Сменивший Теодори бывший Генштаба капитан В.Г. Зиверт также был арестован³⁵.

Причин своего ареста Георгий Иванович не знал. Его супруга 6 апреля 1919 года попросила С.И. Аралова помочь ей: «Обращаюсь к Вам как к единственному человеку, от одного слова которого зависит судьба моего мужа»³⁶. Несчастливая женщина откровенно писала о том, как много её муж работал и сколько пользы принёс Советской России, но его отдали в руки М.С. Кедрова (начальник Особого отдела ВЧК), «который делает всё, что хочет, и докладывает Вам и т. Троцкому так, как ему выгодно. Вам ведь ясно, что т. Кедров сводит личные счёты»³⁷. Кроме того, в письме передавались слова Теодори о том, что он за Аралова стоит горой, и их враги смогут перейти лишь через его труп. Таким образом, была выражена надежда на покровительство Аралова и содержался намёк на его тесную связь с арестованным. Немаловажно, что в сложившейся ситуации с супруги Теодори была взята подписка о невыезде, ей не разрешалось видеть мужа и даже встречаться с их потенциальным высокопоставленным покровителем.

В качестве версии, объясняющей длительное содержание Г.И. Теодори под стражей, вполне подходит его внеслужебная деятельность в 1918—1919 гг. В его деле чекисты, возможно, впервые за всю Гражданскую войну столкнулись с организованным и достаточно активным сопротивлением со стороны выпускников академии. Этот прецедент дал им понять, что в отношении курсовиков, в отличие от старых генштабистов, произвол будет ограничен их мощным корпоративизмом. Выпускники ускоренных курсов 1917 года имели между собой более тесную спайку, чем выпускники предшествующего периода. У них существовала своя внутренняя организация, функционировавшая в годы войны, а Теодори являлся одним из лидеров и членом коллегии выпуска, которому доверяли хранение солидных денежных сумм. Но, возможно, именно активность курсовиков и их взаимовыручка сыграли роковую роль в деле их лидера, отодвинув его освобождение на долгие два года.

Произошедшее в тот период не укладывается в существующие стереотипы представлений о взаимоотношениях чекистов с военспецами. Так, 17 апреля 1919 года сразу 37 представителей выпуска подписали доклад Л.Д. Троцкому в защиту Теодори. Предлагалось получить подтверждение обвинений, чтобы изолировать Теодори от своей среды и ходатайствовать об исключении его также из корпорации Генштаба. «В том же случае, если таковых данных не имеется, то выпуск не может спокойно относиться к факту беспочвенного ареста одного из своих членов, коему выпуск доверял и который занимал один из ответственных постов в Республике, так как подобное явление не даёт гарантии в будущем спокойной работы военным специалистам как не застрахованным от арестов без предъявления обвинения и ставит в то же время их в ложное положение в сфере ещё не установленных взаимоотношений с политическими работниками армии», — писали выпускники³⁸. Копии обращения были направлены В.И. Ленину, И.И. Вацетису, С.И. Аралову и Ф.В. Костяеву.

С ТОЛЬ активные действия нашли поддержку со стороны старших товарищей. 21 апреля троим представителям выпуска 1917 года — Е.И. Исаеву, Б.И. Кузнецову и Г.Я. Кутыреву был выдан Вацетисом,

Араловым и Костяевым мандат на прибытие в особый отдел ВЧК к Кедрову для ознакомления с делом Теодори. Вацетис и Костяев выступали как их старшие товарищи по службе в Генштабе, Аралов генштабистом не был, но также являлся бывшим офицером. Вполне очевидно, что по духу эти люди были гораздо ближе друг другу, чем арестовывавшим их чекистам. Возможно поэтому в деле Георгия Ивановича они выступили как союзники. Именные подписанты просили оказать содействие трём ходатаям, причём было специально указано, что «означенные представители правомочны задавать вопросы Г.И. Теодори и тов. Кедрову по существу дела Теодори с целью полного выяснения сущности дела, а не контроля или следствия»³⁹.

23 апреля все трое приехали в Москву, а на следующий день они встретились с Кедровым. Удивительно, что это вообще произошло. Во время встречи Кедров сообщил им, что некоторые детали дела может знать только В.И. Ленин (следовательно, последний уже был в курсе дела⁴⁰), и личные вопросы в отношении Теодори оказались недопустимы.

Однако, идя навстречу просьбам, М.С. Кедров привёл выдержки из дела. Из цитат, однако, картина виновности Теодори не складывалась⁴¹. Он обвинялся в бегстве в Латвию, однако абсурдность этого признал даже сам Кедров. Прочие обвинения были более серьёзными, но и их удалось опровергнуть. Среди них — причастность к шпионажу и интимная связь со шпионкой Валентиной Троицкой, а также приём через неё на службу в Оперативный отдел Наркомата по военным делам разных лиц и сношения с руководством объединённой офицерской организации. Как выяснилось, Троицкая имела связь со многими, в том числе ответственными партийными работниками. От оговора Теодори она отказалась уже 20 апреля 1919 года⁴². Назначение всех лиц на службу было санкционировано Араловым и поручителями, но принят был только один человек. Связь с Троицкой стала предметом детального рассмотрения, причём было установлено, что Теодори, с одной стороны, всех уверял в невозможности этого «из-за отвращения близких отношений с ней, а с другой стороны, позволял себе обнимать её». Однокурсники же считали, что это никакой не шпионаж, а «индиви-

дуальная особенность Теодори в половой жизни»⁴³. Причастность к офицерской организации (видимо, военной организации «Национального центра») выражалась в том, что Теодори посещал бывших генералов В.И. Селивачёва и Н.Н. Стогова, которых знал по прежней службе. Кстати, данное обстоятельство свидетельствует о неблагонадёжности Стогова и Селивачёва уже в апреле 1919 года, задолго до официального раскрытия военной организации «Национального центра».

Кедров удивился налаженности связи выпуска Теодори и наличию самой организации выпускников, существовавшей фактически как параллельная штабам РККА неформальная структура. Выпускники же уточнили, что связь осуществлялась лишь персональная с целью поддержки служебных и материальных интересов друг друга.

25 апреля представители выпуска составили доклад в поддержку Георгия Ивановича на имя главнокома, председателя Реввентрибунала и начальника Полевого штаба РВСР. В докладе сообщалось: «Из частной беседы с тов. Кедровым пришли к заключению, что, несмотря на месячный срок пребывания Теодори в тюрьме, до сего времени конкретных данных по обвинению его нет»⁴⁴. Аралов просил Кедрова отдать ему Теодори на поруки «для использования его знаний в виду большого недостатка генштабов»⁴⁵. Арестованному был разрешён телефонный разговор с Араловым, в ходе которого он интересовался, знает ли о его аресте Л.Д. Троцкий и каково положение его жены и сестры, а также других невиновных курсовиков.

И.И. Вацетис о ситуации с арестом Г.И. Теодори написал в своём докладе, отправленном 18 апреля В.И. Ленину, отметив, что комплект генштабистов на фронтах достигает 82 проц., что сотрудники переутомлены, а комиссары часто ведут себя по отношению к этим работникам бестактно. Главком писал о несправедливости ареста Теодори и об аресте в штабе Приуральского военного округа вообще всех генштабистов, а также просил разобраться в деятельности М.С. Кедрова, известного самоуправством и ранее⁴⁶. Соответственно, В.И. Ленин не мог не быть в курсе этого дела. Тем не менее Теодори, несмотря на столь активную кампанию в его

защиту, вышел на свободу лишь через два года.

Не исключено, что мощная кампания в его поддержку обеспокоила В.И. Ленина и других большевистских лидеров. Впервые старый Генеральный штаб в лице старших офицеров и особенно молодёжи проявил редкое единодушие. Дальнейшее усиление корпоративного духа генштабистов и осознание ими своей силы вполне могли привести к идее свержения большевиков, тем более что в Полевом штабе РВСР в Серпухове находились верные Вацетису латышские стрелки (5-й латышский стрелковый полк), а на ключевых постах были его выдвиженцы, в том числе выпускники ускоренных курсов. Вполне возможно, что Ленин решил перестраховаться и поставить зарвавшихся военных на место посредством длительного тюремного заключения их лидера. Тогда или позднее чекисты склонили Теодори к негласному сотрудничеству, пик которого пришёлся на конец 1920 — начало 1930-х годов.

НАИБОЛЕЕ убедительным нам кажется сочетание в деле Г.И. Теодори не какого-то одного, а сразу нескольких факторов — попытки его устранения путём ареста в связи с межведомственными противоречиями военными и чекистов, длительного заключения с целью лишить курсовиков их общепризнанного лидера и, в качестве предположения, пробы сил в предстоявшей борьбе чекистов (а возможно, и определённой группы в большевистском руководстве) с руководителями РККА. Вывод о взаимосвязи ареста Теодори и последовавших летом 1919 года арестов в Полевом штабе РВСР представляется вполне обоснованным. Тогда были арестованы Е.И. Исаев и Б.И. Кузнецов, а также заступавшиеся за Теодори И.И. Вацетис и Ф.В. Костяев. Однако в отличие от истории с арестом Теодори самоуправления чекистов на таком уровне быть уже не могло.

Между прочим, член ЦК РКП(б) И.В. Сталин ещё 4 июня направил В.И. Ленину донесение о том, что Полевой штаб РВСР и Всероссийский Главный штаб якобы работают на белых⁴⁷. Не исключено, что именно этот документ стал причиной последовавших арестов. По мнению Л.Д. Троцкого, это была не первая попытка нажима Сталина на Ленина с целью смены военного руководства⁴⁸. Думается, Сталин сам по себе (пусть и в полном контакте с чекистами в качестве куратора деятельности Особого

* Так в тексте.

отдела ВЧК от ЦК РКП(б)) не мог в то время организовать столь масштабную чистку высшего военного руководства. Наиболее вероятно, что в необходимости подобных действий он сумел каким-то образом убедить Ленина и тем самым нанести удар по позиции своего врага Троцкого.

Впрочем, ведомственные историки спецслужб до сих пор не признают достаточно очевидных фактов фабрикации этого «заговора». Можно только предполагать, был ли арест Теодори первой ласточкой в пока ещё не до конца понятной борьбе группировок в военно-политическом руководстве Советской России (в частности, неясна роль в этих событиях С.С. Каменева), или столь глубоких причин здесь не было. Фактически же аресты Костяева и Вацетиса, осуществлённые в отсутствие и без ведома Троцкого, находившегося на Южном фронте в Козлове, привели к ротации кадров на двух ключевых постах в руководстве РККА. И возможно, вовсе не случайно Л.Д. Троцкий видел в этом попытку похода против него самого⁴⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Войтиков С.С., Кикнадзе В.Г. Большевики против военспецов-разведчиков, или «Филиал белогвардейских разведок» в деле Г.И. Теодори. 1918—1921 гг. // Воен.-истор. журнал. 2009. № 1. С. 30—36.

² Общую картину репрессий в отношении генштабистов в период Гражданской войны см.: Ганин А.В. «Товарищ Склянский — заступитесь...». Генштабисты и чекисты в Гражданскую войну // Родина. 2009. № 1. С. 78—83.

³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9.

⁴ Оперативный отдел Народного комиссариата по военным делам (Оперод Наркомвоен).

⁵ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 19.

⁶ Там же. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 178, 179.

⁷ Там же. Л. 583.

⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 1106. Л. 10.

⁹ Там же. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 10 об.

¹⁰ Подробнее о переходах генштабистов на сторону противника см.: Ганин А.В. Проблема переходов «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника в годы Гражданской войны // 1918 год в судьбах России и мира: развёртывание широкомасштабной Гражданской войны и международной интервенции. Материалы международной научной конференции. Архангельск, 2008. С. 160—171.

¹¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 98; Каминский В.В. Некоторые особенности политики большевиков по отношению к «лицам Генштаба» (конец 1917—1918 гг.). СПб., 2000. С. 20, 35.

¹² Обречены по рождению... СПб., 2004. С. 114, 115.

¹³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 165.

¹⁴ В.И. Ленин и ВЧК. Сб. док. (1917—1922 гг.). М., 1975. С. 236, 237.

¹⁵ Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914—1920): Организационное строительство. М., 2004. С. 129.

¹⁶ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 10.

¹⁷ Там же. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 148. Л. 6 об., 7 об.

¹⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 1106. Л. 10 об.; Д. 910. Л. 62.

¹⁹ Там же. Л. 74.

²⁰ Там же. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 158. Л. 1.

²¹ Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 80; Д. 912. Л. 77.

²² Там же. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9 об., 11 об., 23 об.

²³ Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 78.

²⁴ Там же. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 176.

²⁵ Там же. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 11 об.

²⁶ Всероглаштаб — Всероссийский Главный штаб.

²⁷ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 178, 179.

²⁸ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 346.

²⁹ Там же. С. 334, 335.

³⁰ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9 об.

³¹ Бонч-Бруевич М.Д. Указ. соч. С. 329, 330, 334.

³² Подробнее об этих сторонах Бонч-Бруевича см.: Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. Т. 1. С. 255—260; Лукомский А.С. Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 101.

³³ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9.

³⁴ Зданович А.А. Как Л.Д. Троцкий и Реввоенсовет Республики «потеряли» контрразведку // Воен.-истор. журнал. 1996. № 5. С. 82; Каминский В.В. Указ. соч. С. 34.

³⁵ Коцик В. Советская военная разведка: структура и кадры. Статья вторая (1918—1921) // Свободная мысль. 1998. № 6. С. 93.

³⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 201.

³⁷ Там же. Л. 201, 201 об.

³⁸ Там же. Л. 228.

³⁹ Там же. Л. 227.

⁴⁰ Если верить Теодори, Ленин лично знал его по 1918 г., причём с хорошей стороны. См.: РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 10, 10 об.

⁴¹ Там же. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 224.

⁴² Там же. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 11 об.

⁴³ Там же. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 225.

⁴⁴ Там же. Л. 225 об.

⁴⁵ Там же. Л. 266.

⁴⁶ Большевицкое руководство. Переписка. 1912—1927. Сб. док. М., 1996. С. 85—88.

⁴⁷ Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 г. — 28 авг. 1923 г.). М., 1991. С. 431.

⁴⁸ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 440.

⁴⁹ Троцкий Л. Сталин. Т. 2. М., 1990. С. 108.

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

КНИГИ, ПОДАРЕННЫЕ РЕДАКЦИИ «ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Саркисов А.А. **Воспоминания. Встречи. Размышления. Ситуации.** М.: Наука, 2009. 435 с., ил.

Передана автором
(Москва)

Козлов Д.Ю. **«Странная война» в Чёрном море (август—октябрь 1914 года).** М.: Квадрига, 2009. 223 с., ил.

Передана автором
(Москва)

Таймасов Р.С. **Участие башкир в Гражданской войне. Кн. 1. В лагере контрреволюции (1918—февраль 1919 гг.).** Монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. 200 с.

Передана автором
(г. Уфа)

Клейн Э.Г. **Из истории военных оркестров Костромского края. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. 167 с.**

Передана автором
(г. Кострома)

Близначенко С.С. **Флотовец Иван Кожанов.** Краснодар: Диапазон-В, 2006. 272 с.

Передана автором
(г. Краснодар)

Афонасенко И.М., Бахурин Ю.А. **Порт-Артур на Висле. Крепость Новогеоргиевск в годы Первой мировой войны.** М., 2009. 162 с., ил., карты

Передана авторами
(г. Коломна Московской обл.)

Лота В. **Информаторы Сталина. Неизвестные операции советской военной разведки. 1944—1945.** М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. 413 с.

Передана автором
(Москва)

Данильченко И.Г., Виноградов В.А., Карташов А.Г., Сиренко А.М., Ширшов Г.М. **Служба горячего в афганской войне.** М.: Ветераны-пенсионеры Службы горячего ВС РФ, 2009. 704 с., ил.

Передана авторами
(Москва)

Средства тылового обеспечения. Том XVII. Энциклопедия. М.: Издательский дом «Оружие и технологии», 2008. 616 с., ил.

Передана Ю.В. Снеговой
(Москва)

А.В. ГАНИН